

RU

Оценка в семантике лексем «жизнь» и «смерть»

Лаппо М. А., Путилина Т. Г.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении оценочных компонентов в структуре лексических значений пары слов «жизнь» – «смерть». В работе используется комплекс методов лингвистического анализа. Научная новизна исследования состоит в анализе оценочных компонентов в семантических структурах пары антонимов «жизнь» – «смерть», а именно в описании асимметрии и симметрии в прагматическом макрокомпоненте значения данных слов: асимметрия проявляется в направленности прагматической оценки явлений, обозначаемых словами «жизнь» и «смерть», первое слово соотносимо с чем-то очень хорошим, благом, второе – с очень плохим, злом, несчастьем; симметричное языковое поведение проявляется в наличии производных значений у обеих лексем с семантикой общей оценки и производных значений, определяющих, что жизнь и смерть являются объектом регулярной оценки. Кроме того, впервые описано, что определенное соотношение позитивных и негативных сем в значении указанных лексем маркирует тип дискурса (обыденный, религиозно-философский, искусствоведческий, художественный). В результате доказано, что не только отдельные коннотации какого-либо слова влияют на развитие его семантической структуры, но и прагматические компоненты одной лексемы из пары антонимов оказывают воздействие на семантическую вариативность другой. Изучение оценки в семантике данных единиц позволяет проследить динамические процессы в смысловых структурах слов, а также общие и различные черты в их языковом поведении.

EN

Evaluation in the semantics of the lexemes “life” and “death”

Lappo M. A., Putilina T. G.

Abstract. The aim of the research is to identify evaluative components in the structure of the lexical meanings of the pair of words “life” – “death”. The work uses a set of methods of linguistic analysis. The scientific novelty of the research lies in analysing evaluative components in the semantic structures of the pair of antonyms “life” – “death”, namely, in describing asymmetry and symmetry in the pragmatic macro-component of the meaning of these words: asymmetry manifests itself in the direction of pragmatic evaluation of the phenomena denoted by the words “life” and “death”, the former is correlated with something very good, goodness, the latter is correlated with something very bad, evil, misfortune; symmetrical linguistic behaviour is manifested in both lexemes in the derived values with the semantics of common evaluation and in the derived values that determine that life and death are the object of regular evaluation. In addition, the paper is the first to demonstrate that a certain ratio of positive and negative semes in the meaning of these lexemes marks the type of discourse (everyday, religious-philosophical, art criticism, artistic). As a result, it has been proved that not only the individual connotations of a word affect the development of its semantic structure, but also the pragmatic components of one lexeme from a pair of antonyms have an impact on the semantic variability of the other. Studying evaluation in the semantics of these units makes it possible to trace the dynamic processes in the semantic structures of the words, as well as common and different features in their linguistic behaviour.

Введение

Актуальность исследования продиктована необходимостью применения такого подхода к изучению лексического значения языковых единиц, который бы решал задачи реального их использования носителями языка. Традиционные толковые словари, как известно, сосредоточенные на денотативном содержании лексем и исключающие прагматическую информацию из области описания, с данными задачами справиться не могут. Разработчики словарей активного типа опираются на положения интегральной теории лексического значения и теории активной лексикографии. Интегральное понимание лексического значения, как указывает

Г. Н. Скляревская (1995, с. 64), включает в себя не только понятийное содержание, но лингвистическую и экстралингвистическую информацию, все «добавочные» смыслы, традиционно относящиеся к коннотациям. В. Н. Телия под коннотацией понимает «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей» (1996, с. 107), а также обращает внимание на то, что «отсутствие достаточно всеохватывающей модели прагматической стороны речи затрудняет решение многих, на первый взгляд, периферийных, маргинальных для общей теории речевой деятельности, проблем» (1986, с. 9). В структуру лексического значения прагматически маркированной лексики, по мнению Е. Ю. Бульгиной, Т. А. Трипольской (2020), следует включать оценочный, идеологический, гендерный, возрастной, национально-культурный и др. компоненты. Вместе с тем работа над составлением словарей активного типа только начата, в рамках интегрального подхода описано незначительное количество языковых единиц. Кроме того, информация в них может стремительно устаревать вследствие культурных изменений или оказываться нерелевантной тем или иным типам дискурса.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать лексико-семантическую структуру слов *жизнь* и *смерть*, выявив наличие и соотношение количества лексико-семантических вариантов и определив сущность семантической асимметрии; во-вторых, выявить не только различные, но и сходные черты в структуре оценки указанных лексем; в-третьих, рассмотреть варьирование прагматических оценочных компонентов лексем *жизнь* и *смерть* в разных типах дискурсов (обыденном, религиозно-философском, искусствоведческом, художественном).

В работе используется комплекс методов лингвистического анализа, в том числе методы лексикографического анализа, дефиниционный анализ, ассоциативный эксперимент, контекстуальный анализ, сопоставительный метод, анализ фразеологизмов и коллокаций.

Теоретической базой исследования послужили работы по активной лексикографии Ю. Д. Апресяна (1995), В. Н. Телии (1986; 1996), Г. Н. Скляревской (1995), Т. А. Трипольской (1998), по категории оценки – Е. М. Вольф (2002), Н. Д. Арутюновой (1988), Н. А. Лукьяновой (1986), по антонимии – Л. А. Новикова (1973), Ю. Д. Апресяна (1995). Источником материала явились Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и следующие словари:

1. Активный словарь русского языка: в 3-х т. / ред. В. Ю. Апресян; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. – СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 3;
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х т. СПб.: Типография поставщиков Двора Его Императорского Величества товарищества М. О. Вольф, 1903. Т. 1;
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 2003 (НОССРЯ);
4. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. Т. 1. От стимула к реакции;
5. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008;
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1 (МАС);
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1988. Т. 4 (МАС).

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов по лексикологии, лексикографии, дискурс-анализу. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании словарей активного типа.

Обсуждение и результаты

Оценка в структуре прагматического макрокомпонента значения лексемы занимает особое положение, поскольку в наибольшей степени способствует формированию новых лексико-семантических вариантов. Как было установлено ранее, этот показатель основан на ценностном аспекте значения языковых единиц (Вольф, 2002), категория оценки соотносима с понятиями нормы и нормативной картины мира (Арутюнова, 1988). Прагматическая зона значений отдельных пластов лексики нуждается в специальном описании. Так, остаются в тени полисеманты, вступающие в системные антонимические отношения. Можно предположить, что не только отдельные коннотации какого-либо слова влияют на развитие его семантической структуры, но и прагматические компоненты одной лексемы из пары антонимов оказывают влияние на смысловую вариативность другой.

Лексическая пара *жизнь* – *смерть* представляет собой антонимы, которые выражают комплементарную противоположность (Новиков, 1973), это типичные привативные антонимы (Апресян, 1995): смерть есть отсутствие жизни. Поэтому неудивительно, что в ассоциативном эксперименте наиболее частотной реакцией является именно антоним каждого из анализируемой пары слов: *жизнь* → *смерть* (62); *смерть* → *жизнь* (61) (Караулов, Сорокин, Тарасов и др., 1996) (здесь и далее в скобках указано количество самых частотных реакций на данные стимулы).

Лексема *жизнь* имеет более развитую семантическую структуру, чем слово *смерть*. Так, в толковых словарях современного русского языка у понятия «жизнь» отмечается от 8 до 11 лексико-семантических вариантов, а у слова «смерть» – до 4. При этом семантическая структура слова *жизнь* имеет тенденцию развиваться: в словаре В. И. Даля (1903) только 4 значения. Наблюдается не только смысловая, но и словообразовательная асимметрия: в современном русском языке *жизнь* – производное отглагольное отвлеченное имя существительное (от *жить*, так что *жизнь* – это процесс и состояние, ср. *боязнь*, *приянь*), лексема *смерть* является непроизводной (семантически – это некая точка, обрыв жизни).

Наличие оценочных компонентов в семантике лексем *жизнь* и *смерть* не является очевидным, эти слова традиционно не относятся к эмотивно-оценочной лексике. Так, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» в синонимическом ряду *смерть 1 – кончина – конец – гибель* лексема «смерть» является самым общим синонимом, и по логике вещей она должна быть безотночным словом: именуется конец жизни не только человека, но и животного или даже явления (например, культуры), вообще небытие, может обозначать философское понятие или «конец жизни безотносительно к вызвавшим его факторам» (НОССРЯ, 2003). Вместе с тем, как отмечает В. Н. Телия, есть ряд слов, «значение которых включает в себя нормативное суждение о ценности как объективное содержание» (1986, с. 112), среди которых она называет и лексему *смерть*. Стоит считать, что и её антоним относится к этой группе слов.

Действительно, в ценностной картине мира, в самом общем виде, жизнь представляет собой высшее благо (следовательно, смерть – нечто противоположное). Эта пара слов, наряду с другими оппозициями, является индикатором древней славянской картины мира. В. И. Постовалова (1988) в работе «Картина мира в жизнедеятельности человека» употребляет лексическую пару *жизнь – смерть* в контексте разговора о реконструкции древней модели мира. По ее словам, «было выдвинуто предположение, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира практически универсальный характер»: *белый – черный, верх – низ, главный – неглавный, день – ночь, доля – недоля, жизнь – смерть, правый – левый, свой – чужой, счастье – несчастье, целый – нецелый, человек – нечеловек, чет – нечет, чистый – нечистый* и т. п. (Постовалова, 1988, с. 15-16). Представленный ряд слов обнажает оценочную семантику лексем *жизнь – смерть* как в целом «нечто хорошее/позитивное/сильное» или «плохое/негативное/слабое», причем данные слова можно отнести к лексике, выражающей общую оценку. Это, видимо, связано с большинством используемых значений как одной, так и другой лексемы, а не только с основным, хотя и производным (МАС, 1985; 1988), то есть «физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти» у лексемы *жизнь* и «прекращение существования человека, животного» у лексемы *смерть*. Ср. с «Активным словарем русского языка»: *жизнь 1.1* – это второй лексико-семантический вариант (МАС, 1985), а *жизнь 2* – это, наоборот, первый (Активный словарь русского языка, 2017).

Негативный компонент в структуре семантики лексемы *смерть* предстает в виде неявного запрета на ее использование и замены многочисленными эвфемизмами. Так, в словаре эвфемизмов (Сеничкина, 2008) насчитывается более 70 выражений с семантикой замещения лексем *смерть* и *умирать*, среди которых *абзац (кому-н.), безногая, гроб, дни сочтены, душа отлетает, карачун пришел, кондратий, конец, кончина, косая, летальный исход, могильный сон, она, песенка спета, преставление, пятый акт, роковой (последний) час, сон, успех, хладная коса; смежать (смежить) очи (глаза), смерть косит кого-л., что-л., увядать (увянуть), уходить (уйти) на тот свет (на покой), к богу, к лучшей жизни, к праотцам, в вечность, в лучший мир (из миров), господь прибрал кого-л., обрывать (оборвать) цепь (нить) жизни; гостюшко* (вместо слова «мертвец»).

Лексема *жизнь*, напротив, не имеет эвфемизмов и сама выступает составным элементом следующих групп эвфемизмов: 1) «смерть, умереть» – *положить жизнь, жизнь отлетает, жизнь уходит, оплатить что-л. своей жизнью*; 2) «убить себя/кого-то» – *прервать жизнь, отнять жизнь, покончить с жизнью*; 3) «родить» – *дать жизнь, будущая жизнь* (вместо слова «плод»); 4) «половая, сексуальная связь» – *половая жизнь*; 5) «пьянство» – *вести нетрезвую жизнь*. Данные эвфемизмы – их насчитывается около 25 – указывают либо на особые обстоятельства смерти (насильственная, во имя чего-то и др.), либо на определенные ограничения тем, связанным с телесным низом или излишествами (роды, секс, пьянство) (Сеничкина, 2008).

Словарная статья «ЖИЗНЬ» в словаре активного типа включает оценочный компонент в толкование лексико-семантических вариантов: *жизнь 1.1* «состояние существа А1 от рождения до смерти, которое воспринимается как *нечто ценное*, что можно дать А1 или отнять у него»; *жизнь 1.2* «как бы *некая субстанция*, которая находится в человеке А1 и *благодаря которой* он способен эмоционально воспринимать события и активно реагировать на них» (Активный словарь русского языка, 2017).

Словарная статья «СМЕРТЬ 1» в словаре активного типа дает материал для выявления следующих компонентов оценки в семантике лексемы *смерть*: 1) отрицательная неотвратимость смерти, слово *смерть* «имеет коннотацию силы, перед которой ничто не может устоять» (НОССРЯ, 2003); 2) лексема *смерть*, как и ее синонимы, входит в оценочные словосочетания, выражающие поведение субъекта или отношение к нему или ситуации, например: *собачья смерть, бесславная смерть, бессмысленная смерть, дурацкая смерть* (НОССРЯ, 2003); 3) все персонифицированные сочетания обладают негативным оценочным потенциалом, например: *ледяное дыхание смерти, смерть найти, обмануть смерть, смерть наступила, смерть приходит, смерть косит, не уйти от смерти* (НОССРЯ, 2003).

Анализ реакций на стимулы *жизнь* и *смерть*, представленных в «Русском ассоциативном словаре», показывает резкое противопоставление в оценочном отношении к предъявляемым в эксперименте лексемам. Ср. *жизнь* → прекрасна (30); долгая, хороша (16); коротка (13) и *смерть* → страх (18), горе (16), пришла (15), гроб (14), внезапная (13), ужас (12) (Караулов, Сорокин, Тарасов и др., 1996). Т. И. Стексова (2004) приходит к выводу, что смерть в языковой картине мира современника выступает в виде персонифицированной всесильной сущности (она *уносит, косит, забирает, приходит внезапно* и т. п.), может иметь насильственный характер, является нежеланной и вызывает негативные эмоции: по отношению к своей смерти – страх, по отношению к чужой – целый спектр негативных реакций, таких как жалость, горе, грусть, шок. Обратим внимание на то, что эмоция, которую вызывает некий объект действительности, является важнейшим индикатором ценностного отношения, а значит, и оценки в семантике лексемы, обозначающей данный объект. Связь эмоций и ценностей отмечает Н. А. Лукьянова: «Чувственный уровень оценки осуществляется с помощью эмоций,

которые оказываются вовлеченными в процесс познания» (1986, с. 4). Т. А. Трипольская (1998) также указывает на тесную связь, слитость эмоции и оценки, зависимость аксиологической деятельности говорящего от эмоционального состояния говорящего.

Мощный оценочный потенциал лексем *жизнь* и *смерть* в семантических структурах этих слов позволяет развиваться отдельным значениям, вторичным номинациям, у которых оценочный компонент входит, согласно словарям, в ядро значений. У лексемы *жизнь* это третий и восьмой лексико-семантические варианты: «полнота проявления физических и духовных сил» (см. фрагмент 1), «оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ»; у лексемы *смерть* третий и четвертый лексико-семантические варианты: разговорное «плохо, нехорошо; горе, беда» в значении сказуемого и просторечное «очень, чрезвычайно» в значении наречия (см. фрагмент 2) (МАС, 1988):

(1) *Стоишь на сцене... В зале, за кулисами все на тебя смотрят, ждут. Ты в центре внимания. Вот жизнь! Раскрывайся, как хочешь! А тут – «зажим»* (Гурченко Л. Аплодисменты);

(2) *Что же теперь делать? – Что, что! Курить смерть как хочется. И потом, вещь серебряная. Расшивайте скорей, пока не рассосался!* (Аверченко А. Т. Резная работа).

Следующие лексико-семантические варианты лексемы *жизнь* – «период существования кого-либо» (4-й), «деятельность человека или общества» (5-й) и особенно «образ существования кого-либо» (6-й) – связаны с качеством жизни, всегда или, как правило, подвергаются оцениванию, жизнь может быть плохой или хорошей. См., например, высказывание, где можно говорить о совмещении 5-го и 6-го лексико-семантических вариантов:

И у малых была жизнь, а не одно прозябание (Минченков Я. Воспоминания о передвижниках).

Жизнь в 7-м лексико-семантическом варианте, в значении «окружающая нас реальная действительность; бытие», в речи склоняется к персонифицированному употреблению и также может оцениваться как положительно (фрагмент 1), так и отрицательно (фрагмент 2) (МАС, 1985):

(1) *Надо жить, и жить красиво. Надо побороть свои страдания, надо пользоваться жизнью, ее светом, ее радостью, как блеском солнечного дня.* (Минченков Я. Воспоминания о передвижниках);

(2) *В нем ищет забвения от тяжелой обиды, которую в конце нанесла ему жизнь...* (Минченков Я. Воспоминания о передвижниках).

Смерть как некая точка в существовании человека имеет более конкретную семантику по сравнению с более абстрактным, широким понятием «жизнь». В связи с этим сам акт смерти человека подвергается оценке, в речи актуализируется 2-й лексико-семантический вариант, ср.: *смерть хорошая, быстрая, легкая, славная, честная, почетная, праведная* или *тяжелая, скоропостижная, трагическая, роковая, бесславная, позорная*.

Большим потенциалом в изучении оценочной семантики лексем *жизнь* и *смерть* обладает анализ корпуса фразеологизмов, в составе которых имеются рассматриваемые лексемы или их дериваты. Ряд из них обозначает высокую степень проявления того или иного признака, указывая на максимальную значимость концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в языковой картине мира носителей русского языка, например: *вопрос жизни и (или) смерти*, то есть «очень важный вопрос», *не на жизнь, а на смерть*, то есть «не щадя жизни ради чего-либо», *любить больше смерти*, то есть «очень любить», *мертвый поэт*, то есть «не пишущий теперь стихов», *живая жизнь*, то есть «настоящая, яркая жизнь» и т. п. Мы видим, что понятия «жизнь» и «смерть» являются мерой оценки значимости того или иного элемента существования. За счет высшей степени положительной/отрицательной оценки данные слова могут сами служить интенсификаторами, усиливая оценку другого понятия:

– *Мне ведь Швамбрания лучше жизни нужна* (Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания);

А отступление, мил человек, это хуже смерти (Сорокин В. Кисет).

Однако древняя, языческая модель мира, которая проявляется в обыденном дискурсе, не представляется единственной и неколебимой системой координат. Так, в религиозно-философском, историко-искусствоведческом дискурсе оппозиция *жизнь/смерть* связана с оппозицией *душа/тело*, в которой плотские проявления чаще всего оцениваются отрицательно в отличие от духовных. Так, в «Полном православном богословско-энциклопедическом словаре» в статье «Вечная жизнь» интерпретируется строчка из «Послания к римлянам» следующим образом:

Если рассматривать земную жизнь вне связи с будущей жизнью, то она есть тление (Рим. 8, 21).

Или в историко-искусствоведческом дискурсе:

Бог действительно умер. Точнее, умерло брненное тело. Это победа духа над телом – тот путь, по которому сам Микеланджело шёл всю жизнь (Еремеева С. А. Лекции по истории искусства).

Более того, оппозиция *жизнь/смерть* может сниматься. В бытовой философии люди понимают, что процессы, происходящие с ними в жизни, ведут к смерти, и тогда отрицательная коннотация распространяется от семантики смерти на лексему *жизнь*:

– *Братья, жизнь – это болезнь, и смерть начинается с самого рождения* (Ремарк Э. М. Три товарища / пер. И. Шрайбера и Л. Яковленко).

В христианстве победу над смертью и причастность к вечной жизни можно ощутить уже в течение земного существования, отрицается антонимия значений слов *жизнь* и *смерть*, что отражается в религиозном тексте:

В христианском опыте открывается, что смерть не есть антоним жизни, смерть есть часть жизни (Кураев А. Таинство жизни).

В общей бытовой и диалектной русской языковой картине мира смерть может рассматриваться положительно, как акт избавления от житейских мук. Так, про «умершего человека, который долго болел, обычно говорят, что он отмучился» (Стексова, 2004, с. 122). Л. Г. Гынгазова (2003) обращает внимание на внутреннюю

форму лексемы *покойник* (*покой*), а также приводит соответствующие высказывания диалектоносителей (*отдохну, когда умру* и подобные).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Семантика лексем *жизнь* и *смерть*, которые в своих основных значениях являются стилистически нейтральными и безоценочными, содержит нормативное суждение о ценности называемых понятий: *жизнь* – это безусловное благо, оценивается положительно, *смерть* как завершение жизни оценивается отрицательно, особенно в случае трагической, преждевременной кончины. *Жизнь* – более широкое, длительное явление/состояние, вбирающее в себя самые разнообразные аспекты деятельности человека, поэтому лексема *жизнь* имеет более абстрактный характер, а *смерть* – это лишь момент в жизни, поэтому лексема «*смерть*» – «более конкретное» по сравнению с абстрактным существительным *жизнь*. Смысловая неравномерность данных понятий порождает семантическую лексическую асимметрию. Так, у слова *жизнь* в словарях отмечается до 11 лексико-семантических вариантов, а у лексемы *смерть* – только 4. Резко негативная оценка смерти делает запретным употребление самого слова, мы насчитали в русском языке более 70 эвфемизмов, которые замещают лексемы *смерть*, *умирать*. Лексема *жизнь*, напротив, сама включается приблизительно в 25 русских эвфемизмов, сглаживая собой те или иные неприемлемые для речи аспекты существования. Таким образом, слова *жизнь* и *смерть* противопоставлены не только по денотативному аспекту, но и по оценке как микрокомпоненту прагматического макрокомпонента значения.

В то же время рассматриваемая пара слов демонстрирует симметричное поведение по проявлению оценочных смыслов. Оба слова имеют в своих семантических структурах такие лексико-семантические варианты, которые включают оценку в ядро значения слов, когда лексемы *жизнь* и *смерть* оказываются способными замещать оценочные слова: *жизнь* как «полнота проявления сил или сильная степень возбуждения», *смерть* как «плохо, горе, беда или очень, сильно (плохо)». Также мы видим, что оба понятия в речи являются мерой оценки значимости каких-либо объектов действительности, что позволяет использовать сочетания типа *лучше жизни, хуже смерти*. Кроме того, *жизнь* и *смерть* являются объектом оценки, для этого у лексемы *жизнь* имеются специальные значения «период жизни», «определенная деятельность человека», «образ жизни», у лексемы *смерть* таких особых значений нет в силу тех причин, о которых говорилось выше (*смерть* – это определенный момент), поэтому при оценке качества смерти используется основное значение.

В заключение отметим, что оценка в значении слов *жизнь* и *смерть* имеет свои особенности также в зависимости от дискурса, типа речи. Сопоставление в речи оценочных употреблений лексем *жизнь* и *смерть* позволяет отнести мировоззрение говорящего субъекта к древней, языческой картине мира либо к христианской, либо к бытовой современной картине мира. В древней славянской картине мира существует резкое оценочное противопоставление жизни и смерти, это представление до сих пор остается самым общим, глобальным. Данный факт учитывается и в других картинах мира, однако в отдельных их фрагментах на первый план могут выходить совершенно другие мотивы. В религиозно-философском дискурсе *жизнь/смерть* соотносятся, соответственно, с *душой/телом*, что приводит к возможности негативной оценки жизни как временной, полной соблазнов, плотской и трудной, а *смерть* тогда рассматривается как освобождение души для высшей жизни. В общей бытовой и диалектной русской языковой картине мира *смерть* в случае негативной оценки качества жизни какого-либо человека может рассматриваться положительно, как момент избавления от житейских мук. Таким образом, специфически соотношенные оценки в семантике лексем *жизнь* и *смерть* оказываются маркером различных типов дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в описании различных типов языковых личностей, оперирующих тем или иным соотношением оценочных семантических компонентов лексем *жизнь* и *смерть*, а также в подготовке материалов для словаря активного типа, в котором будет иметься оценочная зона значения у «нейтральных» языковых единиц.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»; Восточная литература, 1995. Т. I. Лексическая семантика.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
3. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд-е 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002.
5. Гынгазова Л. Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики: мат. междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (г. Томск, 21-23 октября 2003 г.). Томск: НИ ТГУ, 2003.
6. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
7. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во МГУ, 1973.
8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988.

9. Складьяревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Институт русского языка РАН, 1995.
10. Стеклова Т. И. «Смерть» в словаре и языковом сознании // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2004. № 2.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М.: Наука, 1986.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Трипольская Т. А. Оценка и эмоция: параметры взаимодействия // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе: мат. междунар. науч.-практ. конф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.

Информация об авторах | Author information

RU**Лаппо Марина Александровна¹**, д. филол. н., доц.**Путилина Татьяна Геннадьевна²**^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет**EN****Lappo Marina Aleksandrovna¹**, Dr**Putilina Tatiana Gennadievna²**^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University¹ marine.lappo@yandex.ru, ² push.lock2012@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2023; опубликовано online (published online): 19.09.2023.

Ключевые слова (keywords): оценка; семантическая структура слова; прагматический макрокомпонент значения; словарь активного типа; жизнь и смерть; evaluation; semantic structure of the word; pragmatic macro-component of meaning; dictionary of active type; life and death.